

А.И. Неклесса

руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции ¹

Car enfin ce Tiers Monde ignoré, exploité, méprisé
comme le Tiers-État, veut, lui aussi, être quelque chose.

Alfred Sauvy

Этот третий мир – игнорируемый, эксплуатируемый. презираемый,
подобно третьему сословию, теперь тоже желает стать чем-то.

Альфред Сави

Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это комплексное, интерактивное поле. Моделирование подвижного ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций постсовременности и постколониальности в универсальном трансформационном процессе. Композиция взаимно-контаминируемого мироустройства сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий. Миры Севера и Юга сосуществуют на одной планете; футуристичные образы высокотехнологичной цивилизации, правового, демократичного, рационального уклада перемежаются чересполосицей авторитарных систем, трайбалистских или мафиозных сообществ, городских фавел, лагерей беженцев. Постижение причин и перспектив вселенского переворота требует, однако, большего, нежели суммирование причудливой феноменологии цивилизационного транзита. События-2020 совокупно продемонстрировали востребованность искусства управления сложными процессами и ориентации в масштабных, «вирусных» ситуациях, подтвердив императив обретения соответствующих знаний, мастерства, технологий.²

Эволюция истории

Мир на протяжении последнего столетия пребывал в сумятице перемен, но, несмотря на острые коллизии, интенсивно интегрировался, осваивался, а индустриальная и рыночная унификация вытесняли и замещали социокультурное разнообразие и своеобразие.

Социальную ситуацию определяет сочетание глобального, регионального, местного и персонального. В течение века демонтаж сословных перегородок,

¹ Часть раздела коллективной монографии. Полный текст в: «Цивилизационные альтернативы Африки» т.3. М.: Институт Африки РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований (готовится к печати).

² Неклесса А.И. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). – Экономическая наука современной России. 2020. № 3. <https://www.ecr-journal.ru/jour>.

реституция личности, либерализация общественных норм и демократизация политических устоев сопровождались эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией, а уже в наши дни все это обернулось возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира. Люди в своей исторической устремленности пытаются ослабить природные и социальные тяготы, угнетающие устремленность в будущее, устранить оболочку имперской колониальности в ее различных ипостасях и модификациях, отринуть идеологемы и институты, уничижающие индивида, разрушив тиранию культурной, классовой, национальной, расовой сегрегации и подавления. Сейчас человечество, судя по всему, переживает переворот, проходя своего рода *rite of passage*, реализуя новую формулу социальных координат.

Предметное поле постколониальной (постимперской) аналитики обретает универсальные пропорции и очевидным образом не ограничено рассмотрением ситуации на Черном континенте или даже всей калейдоскопичной реальности Третьего мира.³ Колониальные, имперские метастазы и тоталитарные практики, мимикрируя и мигрируя, обнаруживаются в различных частях света, политических ситуациях, иных сегментах практики. Присутствие как колониальности, так и постколониальности в композициях Постмодерна усложняет декодирование и картографирование транзита, выявляя невидимые до поры препятствия и проблемы. Анализ и проектирование в сфере дисциплинарного знания связаны, однако, «режимом истины» (Мишель Фуко) и ограничены «окном Овертона» – границами, в которых традиционно предложено вести научную дискуссию. Между тем при резком усложнении обсуждаемых предметов возникают проблемы с дисциплинарными уставами и стандартами профессионального рассуждения, предполагая поисковую активность, интеллектуальный прорыв, творческую эмансипацию. Давид Бен Гурион, реализовавший большой национальный проект в сложной и неопределенной исторической ситуации, писал: «Сегодняшний день не похож на вчерашний – вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, *panta rei* <...>. Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не стоит на месте. Рутинa – первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли».⁴

Развитие общества сопряжено с поворотами и переворотами, лабиринтами и развилками в дорожной карте цивилизации, осложняя проникновение в иное, опознание и осмысление неизвестного. Стартовым рубежом последнего раунда вселенской экспансии – глобализации как колонизации планеты, ее культивации и освоения современной цивилизацией, можно считать Берлинскую конференцию 1884-1885 гг., поводом для которой послужила конфликтная ситуация, складывавшаяся в Африке. Конференция, однако, определила нечто более существенное – общие регламенты, параметры и методологию разграничения пространств обитаемого мира в соответствии с принципом «эффективной оккупации»...

Планетарная колонизация, а затем деколонизация вкупе с политическим и экономическим обустройством мирового сообщества, охватили весь XX век, ставший периодом обширной перестройки человеческого общежития. Переход к новому миропорядку ускорился после своего рода Тридцатилетней войны, развернувшейся в первой половине прошлого столетия, сгенерировав новый миропорядок.

³ Подробнее см.: Неклесса А.И. Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. – Африка в условиях формирования полицентричного мира. / Отв. ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л. – Институт Африки РАН. Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки. Москва. 2020 (готовится к печати).

⁴ Навон И. 2008. Как принимал решения Давид Бен-Гурион. – Принятие стратегических решений как психологическая проблема. Международный семинар. Москва, 5.09.2007. М.: ЭТЦ. С. 3-10. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=57&id=412#navon>.

Деконструкция имперских структур, сначала континентальных, а впоследствии морских, уничтожив зональную глобализацию, сформировала на постимперских руинах пестрый конгломерат больших и малых национальных государств, открыв возможность обширной реорганизации *Pax Humanum*. Осваивая горизонты самостийного статуса, страны и народы, получившие политический суверенитет, критикуют историческую ретроспективу и подвергают сомнению предлагаемый Современностью цивилизационный маршрут, внося дополнительную неопределенность в контрапункт глобальной трансформации.

Биполярное мироустройство, возникшее в середине прошлого века, проявилось негативным образом, создав возможность альтернативной – деструктивной, глобализации, ставящей под угрозу существование цивилизации. Впервые появился шанс реализовать рукотворный коллапс антропологической вселенной, отбросив на мир тень произвольного конца истории.⁵

Реестр перемен

На планете в наши дни развиваются два доминантных процесса: *глобализация* и *индивидуация*, сопровождаемые становлением новых и мутацией прежних политических и прочих институтов, производством инновационного технического, технологического и социального инструментария. Реорганизация современного строя, обустраиваемого, преобразуемого и атакуемого с различных позиций, смещает и расширяет исторический горизонт:

- глобализация создает общую оболочку для хозяйственной практики и универсальной коммуникации, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует множество анклавов цивилизационного транзита, служащих порталами иной организации универсума, отрицающей его прежнее устройство, генерируя неопределенность в траектории истории;
- территориальная экспансия стран и народов постепенно замещается конкурентной колонизацией и приватизацией амбициозными племенами призрачных, многомерных территорий будущего;
- цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным обладанием земными пространствами, политическим и административным их контролем, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на организацию хозяйственной и финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление режимом благоприятствования, маршрутами транспортировки и транзакций, использование прав доступа, предпочтений и санкций;⁶

⁵ Вот характерные примеры: (1) 27 октября 1962 года советская подводная лодка «Б-59» (старшие офицеры – Василий Архипов и Валентин Савицкий), имевшая на борту ядерную торпеду и право применить ее в случае прямого нападения, встретилась около Кубы с группой кораблей ВМС США. Лодка была обстреляна, а по данным советской стороны, против нее были применены глубинные бомбы. На субмарине между старшими офицерами возник конфликт по поводу необходимости применить ядерное оружие; (2) 28 октября 1962 года критическая ситуация сложилась на ракетной базе США на Окинаве, где был получен ошибочный приказ о применении ядерного оружия. В результате решительных действий капитана Уильяма Бассета ошибочность приказа была установлена, и он был отменен; (3) 26 сентября 1983 года на командном пункте Серпухов-15 космической системы раннего предупреждения «Око» компьютер сообщил о запуске ракет с американской базы. Оперативный дежурный Станислав Петров, проанализировав обстановку, пришел к выводу, что произошло ложное срабатывание системы.

⁶ Неклесса А.И. Геоэкономическая формула мироустройства. – *Мировой порядок - время перемен*. Сборник статей. Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. / Российская ассоциация политической науки. М.: Аспект Пресс. 2019. С. 326-341. <http://www.combook.ru/product/11951619/>.

- растёт влияние геокультуры, фиксирующей центры социокультурной гравитации, определяемые удельным весом культурного капитала, экспортирующих и транслирующих на иные языки свои принципы и стандарты жизнедеятельности; а также геоантропологии, учитывающей траектории антропоток, перераспределяющих население планеты, изменяя картографию человеческих активов, потенциала, разнообразия;
- углубляется кризис системы международных отношений, мировой бюрократии и связанных с нею институтов, формируется многоуровневая среда сетевых трансграничных связей, включая присутствие влиятельных корпораций, комплексных субъектов и неформальных агентов перемен;
- привычные типы государственности модифицируются, поглощаясь, в конечном счете, обществом, сливаясь с корпорациями, преобразующими современные политические системы, а перемены в понимании суверенности высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления;
- национальная государственность, утрачивая былые основания, позиции, смыслы, предчувствует кризис идентичности, диссипацию и уже испытывает институциональную хаотизацию, пробуждая встречный ветер национализма и сопротивление уходящих в прошлое структур;
- сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и корпоративной деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими социальными следствиями;
- сфера практики пронизывается вирулентностью людей-предприятий (*manterprisers*), инновационных, экзотичных, радикальных стартапов, сопровождаемых пришествием генерации политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов и популистов, действующих вне прежнего формата партийности.⁷

Проектирование общего будущего, осложненное конфликтами традиционализма и секулярности, коллизиями современности и постсовременности, вытесняется и замещается обилием оригинальных, автономных замыслов. Проактивность инструментально оснащенных, слабоформализованных в институциональной системе современности персонажей, обладающих преадаптационным инстинктом, формирует сообщества с ценностной пересортицей, что еще больше революционизирует ситуацию. Водоворот происходящих и назревающих перемен подтачивает опоры цивилизационной платформы Модернити, колеблет ее равновесие, подвергая сомнению сложившийся консенсус и нарушая целостность социальной конструкции. Мир в глобальном универсуме рассыпается на суверенные молекулы и конкурирующие композиции, продвигающие свои версии подвижного строя, опровергая предписания нормативной культуры и внося правку в современную концепцию человека.

Пересекая умножающиеся «линии горизонта» (Жак Аттали⁸), люди пытаются распознать целеполагание ветвящихся траекторий, однако, «человек никогда не поднимается выше, чем когда не знает, куда идёт» (Кромвель).

Социальная ментальность

Мы обитаем в подвижной реальности. Сюжеты летописания сопровождаются и запечатлеваются кризисами, обретающими со временем символический статус, но мы

⁷ Подробнее см.: Неклесса А. И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 80-95. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

⁸ Attali J. 1991. Millennium: winners and losers in the coming world order. New York: Random House, 132 с.

живем не ради памяти. Национальная государственность сегодня соревнуется с динамичным миром амбициозных корпораций и трансграничных сообществ, сопрягаясь с акционизмом различным образом мотивированных лидеров и решительных индивидов. Очередная утопия вносит дополнительный ажиотаж, ускоряя перемены: история беременна новизной.

Основанием культуры является мировидение – концепт бытия, его идеальный образ, смысловой каркас: сумма ценностей, обеспечивающих идентичность, и законов, удерживающих миропорядок. Культура определяет характер общества, цивилизация – фабулу, удерживая динамический баланс между наличной действительностью и промысленным идеалом. История – последовательность порывов к действию и плацдармов компромисса: синтез усилий ума и воли, модификация социокультурных комбинаций, экспериментальная вивисекция хозяйствования и власти. Реальность, разрушая представления о себе, отрицает редактирование конвенций, требуя не иных трактовок, а смены языка. Будущее мыслится надеждой, но обретается как цивилизационная травма – отход от привычного самоотчуждения, истощения жизни, искаженных институтов и отмирающих корпораций: кесарево сечение, исход и устранение безбудошности. Это эволюционный транзит и становление человека.

Будущее – несуществующая, но подтверждаемая бытием субстанция, иное состояние мира. Утверждается оно не конфликтами культур-систем – процессом, чреватый скорее обрушением в прошлое, а в «своих напевах»: сопряжением с промысленным геномом истории – ее постигаемой сутью, устраняя скрытые изъяны и демонтируя обанкротившиеся ансамбли, чтобы реализовать синергию эволюции. Борьба за будущее, иную землю, иное небо, стимулирует протагонистов декодировать криптографию историсофских замыслов («конспектов будущего»), изыскивая преимущества в ментальном и культурном своеобразии. Продвижение в будущее – не только слияние притоков мысли и протоков самоорганизации, ажурная вязь вбираемых в плоть истории проектов, их апробаций, оригинальных версий соперничества или союзов коэволюции. Это также внутренняя сценография личности, погруженной в перманентно преобразуемый сюжет: преодоление противоречий и персональная трансформация.

Достояние века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением идущим сквозь горнило транзита – не пленников, но наследников культур и народов, решившихся на деконструкцию привычного строя, переживая утрату определенности и преодолевая барьер повседневности. Синкретичная социальность либо вытесняется впоследствии логикой развития, либо, пользуясь вселенским переполохом, пытается обернуть поток перемен вспять, вернув власть над утраченной судьбой. Трансгрессии, дополненные постколониальным синдромом, осложняются сполохами неоархаизации и деструкции – прямым отрицанием футур-истории. Симптоматика разложения Модернити проявляется также в нищете идеологий и суггестии «культуры смерти», способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией.⁹

Когнитивные перемены предшествуют, определяют и аранжируют смену исторических декораций. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи аристотелевой логики суть бытия заложили фундамент новоевропейской науки.¹⁰ Политические

⁹ Неклесса А.И. 2006. Культура смерти. Азия и Африка сегодня. № 2. С. 3-11.

¹⁰ Гуманитарные же дисциплины – авторские путеводные нити исхода из лабиринта синкрезиса, они рациональны, практичны, избыточны, здесь нет постоянных законов, но есть закономерности (теоремы), обоснованные когнитивной аксиоматикой, философским дискурсом и этическим контекстом эпохи. Это язык гармоник ментальности, консенсусных констатаций, корпоративных договоренностей. Осознанные закономерности – вопрошаемы и дискурсивны, протокол опознанного носит временный характер, он инициируется, утверждается,

зигзаги и перевероты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни. Сама секулярность – этот родовой признак современности, возникает в истории как проекция иудео-христианской концепции бытия.¹¹ Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»¹² (Томас Джефферсон), его способности к выбору, созиданию и обновлению, предопределило кардинальную модификацию истории, перемолов многие архаичные препоны, воплощаясь в личной ответственности, самоопределении нации, политических правах.

Совершалось «расколдовывание мира» (Макс Вебер¹³), сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма и «дефатализацией истории» (Поль Рикёр¹⁴). Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Дитрих Бонхёффер¹⁵) мифологических отождествлений и патриархальных подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих к прошлому, природе, клану, идолам» (Эрих Фромм¹⁶). Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от пут стереотипов и тирании суеверий, а человека от безнадёжности и диктата «вечного возвращения». Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности традиционализма и бытийного синкрезиса, отражая атаки деструктивного хаоса и продуцируя алгоритмы автономного, сложного поведения.

Поезд истории

Секулярность – кризисное управление обществом, застрявшим в переходах и закоулках исторического лабиринта. Установления, порожденные христианской вестью, со временем выходят за пределы религиозной оболочки и в своей новаторской сущности абсорбируются социумом, изменяя мир, обеспечивая критическое отношение к феноменологии бытия и трезвое к флуктуациям сознания. Подобно новоевропейской науке секулярность определяет пределы собственных компетенций и, отделяя долнее от горнего, стимулирует рациональную рефлексию, удерживая при этом память о предназначении, растворяя ее в конфессиональном, философском осмыслении, культурном коде и художественном обрамлении, пронизывающих людскую повседневность.

Поиск истины, соединяясь с житейским опытом, разрушает трюизмы и влияет на стереотипы поведения. Метафизические концепты, подвергаясь испытаниям в нелицеприятных обстоятельствах и подвижнических противостояниях, осмысленные и переосмысленные, познав горнило жизни и дрожь земли, претерпевают ревизию. А затем вновь воздействуют на мир. Теология, редактируемая в тени обретенного за последний век знания, обнажает сколотые временем, острые, асимметричные грани. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих

пересматривается в перманентном поиске иных обоснований и обновления рецептов. У знания здесь прикладной статус – это свободные искусства и произвольные практики.

¹¹ Кокс Х. 1995. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература» РАН. 263 с.

¹² Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>

¹³ Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. – Избранные произведения. М., Прогресс. С. 44– 271.

¹⁴ Рикёр П. 2002. История и истина. СПб: Алетейя. 400 с.

¹⁵ Бонхёффер Д. 1994. Соппротивление и покорность М.: Прогресс. 344 с.

¹⁶ Фромм Э. Библейская концепция человека. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.

Бонхёффер¹⁷), «политического богословия» (Йоханнес Метц¹⁸), «нетеистического теизма» (Доротея Зёлле¹⁹)...

Энтузиазм приближения к различным образом прочитываемому, но взыскуемому идеалу, изначально соприсутствует в секулярном обществе, интегрируя метафизику с эскизами утопий, обретающих идеологическое содержание и политическую плоть. К концу XVIII века у европейского третьего сословия уже была программа продвижения к образам свободы, равенства, братства – модель властного обустройства быта и бытия с миллениаристскими обертонами и мотивами, обеспечивая наряду с прочими новациями прорыв к концепции прогресса и современному обществу. Но был и 93-ий год, скверные подробности которого обнаруживаются практически в любом идеологическом проекте, когда сумма лозунгов и ритуалов превращается в конъюнктурный эрзац – удобный камуфляж для власти политических инженеров и бездушной механики этатизма.

В анналах истории много жестокого, преступного, морально неприемлемого, также и на теле современной цивилизации немало шрамов тоталитаризма, расизма, разноликой колониальности. Помимо симулякров интернациональной и национальной социалистической идеи в список попадает многое другое. Это не только травмы памяти как ГУЛАГ и Освенцим, Холокост и Голодомор, преследование «унтерменшей» и диссидентов, клетки с африканцами и другими народностями в зоопарках Европы, но также актуальные формы и методы подавления и унижения: гендерные регуляции, «офисное рабство» и т.п. Списки изгоев нормальности и катастроф человечности заметно длиннее, а проблематика глубже и шире черно-белой оппозиции. На путях, вымощенных благими/неблагими намерениями, пролагались индустриальные рельсы; эксперименты истории по освоению культуры электрошока понуждают политически корректировать механизмы исторического нарратива. Список включает и недавнюю попытку построения «Исламского государства» (*запрещенная в России организация – ред.*), заморозившую не только обездоленных различными обстоятельствами мусульман третьего мира, но часть сторонников прямого действия, европейски образованных людей.²⁰

M4BL также порождает сегодня реминисценции и червоточины из обширного арсенала механической солидарности, активируя трайбализм анклавов, обремененных массами. У движения есть декларированная цель из реестра новой этики: уничтожить любые формы стигматизации париев, устранить намеренные и ненамеренно ранящие ситуации, сделать обыденностью право на уверенность и право на слабость.²¹ Это проблема человечности, общественного контроля при

¹⁷ Антропов В.В. 2005. Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера. *Вестник Московского университета*. Серия 7. Философия. № 6. С. 58-124.

¹⁸ Metz J. 1998. *A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity*. Paulist Press. 212 p.

¹⁹ Sölle D. 1995. *Theology for Skeptics: Reflections on God*. Augsburg Fortress Publishing. 126 p.

²⁰ Подробнее см.: Неклесса А.Н. 2018. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. С. 12-24. http://www.intelros.ru/pdf/bknp/3_Privatizaziya_budushzego_2018_w_cover.pdf

²¹ «...<культура смерти> распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом, возникает "заговор против жизни"».

обоюдной персонализации, но солидарная алхимия двусмысленна. Стоимость жизни, равно как горизонты утопий подвижны, права и возможности государства на прямое насилие в отношении общества сужаются, разум бурлит, градус возмущения растет: «Я таков, какой есть, и не хочу, не могу стать иным; ваше сочувствие – лицемерная подачка, отвернувшись, вы возвращаетесь в чуждый оскорбительный мне и притягательный мир, так покоритесь или просто сдохните! Вас становится меньше, а мы – растущая солидарность, ваш мир рано или поздно будет уничтожен, мы же унаследуем землю».

Происходящее – длинный счет разного толка людей и сообществ к Современности, просто социальная ткань прорвалась сегодня именно здесь, однако для значительной части населения планеты ни собственная ни чужая жизнь не представляется безусловной ценностью. Актуальны испытываемые и властью, и обществом оторопь, смысловая растерянность, новые обобщения и разделения – манифестации персонального суверенитета и высвобождение антропологических корпораций, прежде стиснутых обручами государственности. Вырвавшаяся энергия пребывает в поисках резонатора и резонанса: подтверждения и эскалации земного результата как плацдарма для следующей атаки. Это не столько ненависть рожденных в убожестве к живущим в роскоши (модель в одной из систем координат), но проклятие состояния, которое невозможно изменить, переоценка нравственных аксиом, мятеж *других* против рестрикций и отторжений, органичных для современного мира.

Суть происходящего не в грабежах и насилии, что ярко, зримо и на слуху, – грязная пена социального цунами преследует всякий переворот, освобождая неконтролируемые страсти, и порой наследует измененный ландшафт, обращая эскизы утопий в дистопический пейзаж. Совершающийся транзит – сбой прежнего и коррекция нового маршрутизатора: тектоника перемен проявляется по-разному в контрастных ситуациях, обществах, регионах. Атакуются не только остающиеся авторитарные, идеократические и диктаторские режимы, но глобальный социальный организм – репрессивная к миноритарным акционерам общая система, непреодолимая обычным порядком («дерзость вознесется»). Потому и сокрушаются в первую очередь модели поведения (Роза Паркс, отказавшаяся уступить место в автобусе белому) либо символы угнетения: (от памятников героям конфедерации, работорговцам до знаменитого восточно-европейского и постсоветского «ленинопада»). Но не только.

Крах земных империй, ветхость тоталитарных и авторитарных уродств предполагают крушение ментального империализма. Протест из сферы материальных претензий сдвигается в экзистенциальную плоскость, отрицая как супремасизм привычные практики Современности, высвобождая стихии и производя переоценку собственной и чужой жизни. В оптике симпатизантов замысел вселенской революции достоинства преломляется в скалярную траекторию опознанных, но не осознанных в полноте метаморфоз. То есть это универсальный и многослойный бунт.²²

Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами». См. Иоанн Павел II. 1997. *Evangelium Vitae*. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни [03.25.1995]. – Париж-Москва: Русская мысль – МИК.

²² Подробнее см.: Неклесса А. И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 149-164. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>.